

НЕ САМА ПО СЕБЕ

Александр Шмаков

Александр Шмаков

Не сама по себе

«Автор»

2026

Шмаков А. Н.

Не сама по себе / А. Н. Шмаков — «Автор», 2026

Каждая была уверена, что делает всё правильно. По мотивам рассказа «И такое бывает». Марина знала: чтобы тебя любили, нужно быть красивой. Алина знала: чтобы семья была крепкой, нужно всё держать в руках. Одна привыкла нравиться и получать подтверждение своей неотразимости. Другая привыкла заботиться и поправлять, направлять, решать всё сама. Обе думали, что любили. Обе не понимали, почему мужа рядом с ними становятся всё молчаливее. Обе не говорили одного короткого слова, которого те ждали больше всего. А потом привычный мир даёт трещину. И только пройдя через потрясение, каждая впервые видит себя настоящую и понимает: близость не измеряется ни красотой, ни порядком. Семья - не «я» и не «он». Семья - это «мы». Психологическая драма о том, как легко потерять друг друга и как трудно вернуться.

© Шмаков А. Н., 2026

© Автор, 2026

Александр Шмаков

Не сама по себе

Часть первая

Глава 1. Без спора.

- Именем Российской Федерации...

Судья произнесла эту привычную формулу ровным голосом, почти без интонации, и Марина, сидевшая рядом с адвокатом, машинально поправила выбившуюся прядь волос. В стекле, разделявшем зал и коридор, она увидела своё отражение: белая блузка, тонкая золотая цепочка, аккуратный макияж, волосы собраны так, чтобы шея казалась длиннее. Накануне она долго выбирала, что надеть, и в конце остановилась именно на этом костюме - строгом настолько, чтобы выглядеть уместно в суде, и достаточно элегантно, чтобы не потерять себя среди серых пиджаков и папок.

Впрочем, если бы кто-нибудь сейчас посмотрел на неё внимательно, он мог бы заметить, что спокойствие это давалось ей не совсем легко: большой палец правой руки всё время поглаживал безымянный палец, на котором ещё недавно было кольцо, и кожа там казалась непривычно светлой, словно палец помнил о вещи, которой уже не было.

Кольцо Марина сняла несколько дней назад. Она долго не решалась, хотя решение о разводе было принято уже давно, и в конце концов сняла его утром, когда оно в очередной раз зацепилось за что-то и напомнило о себе. Положила в маленькую коробочку, закрыла крышку и убрала в дальний ящик комода, где лежали старые фотографии, несколько писем и вещи, которыми она давно не пользовалась, но почему-то не выбрасывала. Теперь она старалась не думать о нём. Зачем? Всё уже кончилось.

Сергей сидел напротив. Он выглядел старше своих сорока пяти лет, не настолько, чтобы это сразу бросалось в глаза, но Марина, знавшая его уже шесть лет, заметила: волосы на висках стали седыми, лицо осунулось, рубашка сидела чуть свободнее, чем раньше. Она подумала, что он сильно изменился и сразу разозлилась на себя за эту мысль. Сам дошёл. Она не произнесла этого даже мысленно до конца, но смысл был именно таким. Сергей сам сказал, что больше так не может. Не может так жить: не может приходить домой, слышать каждый вечер одно и то же, чувствовать себя всё время неправым. Собрал свои вещи и ушёл, хоть и сказал, что на время. Если человек сам уходит, то странно потом требовать от того, кого он оставил, чтобы она ещё и жалела его. А вот она взяла, да и подала на развод. На тебе! Он не знал, что она подумывала о разводе уже года два, а его уход дал ей хороший повод.

Судья продолжала читать документы. Адвокат Марины время от времени делал пометки в блокноте. Он был молод, говорил быстро и уверенно, и уже неделю объяснял ей, что при грамотной позиции можно добиться гораздо большего, чем Сергей, вероятно, рассчитывает. Марина слушала его внимательно: квартира, машина, дача, деньги.

Часть имущества Сергей приобрёл до брака, часть после. Какие-то деньги лежали на его счетах, какие-то на её. Юрист нашёл аргументы для всего.

- Здесь тоже можно настаивать, - тихо сказал он, наклонившись к Марине.

- Настаивайте.

Он кивнул, Марина бросила взгляд на Сергея, тот сидел неподвижно.

- Вам есть что добавить? - спросила судья.

Адвоката у Сергея не было, Марина даже не сразу поняла это.

- Ваш представитель не явился? - уточнила судья.

Сергей поднялся.

- Я не нанимал представителя.

- Вы согласны с заявленными требованиями?

Он посмотрел на документы перед собой.

- Да.

Марина нахмурилась.

- Со всеми?

Судья перевела глаза на неё, не на Сергея.

- Со всеми, - повторил Сергей.

Марина повернулась к своему адвокату, тот едва заметно пожал плечами, словно происходящее его тоже удивляло. Сергей снова сел, и всё: без спора, без попытки оставить себе что-то. Даже купленную им до свадьбы квартиру он не оспаривал.

Марина почувствовала не облегчение, а раздражение, ей хотелось, чтобы он хотя бы немного сопротивлялся, тогда всё происходящее выглядело бы серьёзнее, а так получалось почти скучно, без ощущения победы.

Когда заседание закончилось, люди начали выходить из зала, Марина медленно складывала документы в сумку, проверяя, не осталось ли чего-нибудь на столе.

- Марина, - позвал адвокат, - всё прошло лучше, чем мы рассчитывали.

- Я вижу.

- Теперь надо оформить...

Она слушала вполуха, ища глазами Сергея. Он уже вышел, и она догнала его только в коридоре.

- Ты действительно всё отдаёшь?

Он остановился.

- Да.

- Даже машину?

- Да. Марина, мы это уже обсуждали.

- Я просто уточняю.

- Зачем?

Ей нечего было ответить, ей и себе-то было трудно объяснить, почему её задело его спокойствие.

- Когда ты заберёшь вещи? - спросила она.

- Когда скажешь.

- В субботу.

- Хорошо.

- Ключи от машины оставишь в субботу?

- Конечно.

- И документы?

- Всё оставляю.

Марина уже собиралась уйти, но вдруг сказала:

- Ты ведь понимаешь, что это всё из-за тебя?

- Понимаю.

- Потом не говори, что я тебя обманула.

Он глядел на неё несколько секунд.

- Не буду.

И пошёл дальше, а Марина стояла и смотрела ему вслед. Ей хотелось что-нибудь ему сказать, но ничего подходящего не пришло в голову.

На улице было тепло. Марина сразу достала солнцезащитные очки, хотя солнце уже уходило за дома, прошла несколько шагов, остановилась у перекрёстка и вдруг увидела своё отражение в витрине. Повернулась боком, поправила волосы: «Норм».

Телефон завибрировал, и она бросила взгляд на экран. Сообщение было от мужчины, с которым она познакомилась несколько недель назад. «Как всё прошло?» Марина заулыбалась, напечатала: «Нормально. Всё получилось.» Почти сразу пришёл ответ: «Ты где?» Она набрала: «Еду домой. А ты?» Телефон снова завибрировал.

Она пошла к метро, читая сообщение на ходу. Сергей уже почти и не вспоминался. Только возле входа в метро она вдруг остановилась, открыла сумку и увидела лежавший рядом старый снимок, который случайно попал туда вместе с документами. На фотографии они были вдвоём, сильно моложе. Сергей глядел в объектив, а она стояла рядом, смотрела на него. Марина секунду подумала, потом убрала снимок обратно.

- Ну надо же, - тихо сказала она сама себе, и спустилась в метро.

Глава 2. Игра.

Сев на лавку в вагоне Марина сразу обратила внимание на мужчину напротив. Лет тридцати пяти, в светлой рубашке, с хорошими часами и усталым лицом. Он сначала смотрел в телефон, потом поднял глаза, задержал взгляд на Марине чуть дольше, чем требовала случайность, и снова в телефон. Она сделала вид, что не заметила. Через несколько секунд бросила взгляд на него снова. Бабах, он тоже смотрел на неё. Она чуть улыбнулась, совсем немного, одними глазами, и сразу перевела взгляд на стекло вагона, это было почти привычным движением.

Теперь у неё будет своя машина, она могла бы ездить на ней. Могла бы не толкаться в вагоне, не стоять у двери, не ловить чужие взгляды в тёмном стекле. Но ей была важна эта любимая игра. Ей нравилось чувствовать, что она может войти в вагон и через секунду понять: вот этот уставился сейчас, этот отвернулся, а этот ещё посмотрит. В машине этого не было бы. Марина выбирала игру.

Она вообще редко ездила в метро, не замечая мужчин. Она видела их раньше, чем станции, раньше рекламных плакатов и табло с названиями остановок: кто посмотрел, кто отвернулся, кто смотрит второй раз, кто осмелился задержать взгляд. Ей нравилось угадывать возраст, семейное положение, профессию, иногда она придумывала человеку жизнь, не имея о нём никакого представления.

Мужчина напротив снова взглянул на неё, Марина поправила волосы, немного поджала губы. На следующей станции вошли люди, в вагоне стало теснее, мужчину загрозила крупная тётя с сумками. Марина потеряла его из виду и через минуту уже нашла глазами другого - высокого, темноволосого, стоявшего у двери. Тот смотрел открыто. Она отвела взгляд, хотя ей было приятно. Не столько сам мужчина, сколько это короткое подтверждение: она производит впечатление.

Сергей когда-то тоже смотрел на неё с нескрываемым интересом. Шесть лет назад, когда они еще не были близко знакомы, он почти не скрывал своего восхищения. Марина тогда веселилась, могла пройти мимо него два раза, прежде чем позволить заговорить. Да, он ей нравился, тогда - действительно нравился. Теперь всё изменилось. Она давно привыкла к тому, что он рядом, и уже не так восхищался ею, как ей хотелось бы.

Дома Марина открыла шкаф и стала выбирать платье. Она меняла одно за другим, прикладывая к себе, отходя к зеркалу, поворачиваясь боком.

В двадцать три года мать однажды сказала ей:

- Красуля ты у меня, Маришка. Только смотри, чтобы вся твоя жизнь на этом не держалась.

- А на чём ещё?

Людмила Львовна смотрела на неё с лёгкой тревогой.

- На человеке, на семье, на том, что ты сама умеешь делать для других.

Марина тогда фыркнула:

- Мам, мне двадцать три года. Какая ещё семья?

- Я даже не про семью.

- А про что?

Мать задумалась.

- Про то, что нельзя всё время жить так, будто тебе должны показывать, какая ты замечательная.

Марина рассмеялась.

- А если я замечательная?

- Тогда тебе не нужно, чтобы это постоянно подтверждали.

Тогда Марина не поняла, да и не собиралась понимать.

Людмила Львовна сама когда-то очень хорошо знала, что такое, когда на тебя смотрят. В молодости она занималась плаванием и несколько лет подряд ездила на соревнования, сначала областные, потом всесоюзные, а однажды вернулась домой с медалью, о которой ещё долго говорили знакомые и соседи. Она была красивая, сильная, быстрая, привыкшая к тому, что результат зависит от неё самой: нужно тренироваться - она тренировалась, нужно терпеть - терпела, нужно выйти на старт и проплыть лучше других - выходила и плыла.

На одних соревнованиях она познакомилась с будущим мужем. Он занимался прыжками в воду и тоже подавал надежды. Они были молоды, много времени проводили вместе, говорили о спорте, о будущем, о том, что когда-нибудь оба добьются своего и будут вспоминать эти годы как самое счастливое время. Потом Людмила стала чемпионкой, а он чемпионом так и не стал.

Поначалу это её не беспокоило. Она даже гордилась им, когда он получил распределение и пошёл работать в милицию. Ей нравилось рассказывать, что он спортсмен, что они познакомились на соревнованиях, что он хорошо прыгает и вообще не боится высоты.

Потом в её жизни стало всё больше побед, а в его - всё больше обычных дней. Она закончила институт, получила хорошую работу. Он приходил домой после смены, снимал форму, ужинал и рассказывал какие-нибудь совершенно простые истории о людях, с которыми столкнулся за день.

Людмила слушала сначала внимательно, потом всё чаще думала о том, что могла бы жить иначе.

- И тебя это устраивает? - спросила она однажды.

Он пожал плечами.

- А что мне ещё делать?

Ей тогда было трудно ответить, потому, что ей его ответ показался неправильным. Она всё чаще сравнивала их - сначала про себя, потом уже вслух. У неё были медали, высшее образование, работа, знакомые, планы. У него - служба, форма, усталость после смены и зарплата, которой еле хватало на жизнь. Людмила всё сильнее стала видеть разницу между ними.

После рождения Марины они прожили вместе ещё некоторое время. Людмила продолжала тренироваться, работать, заниматься ребёнком, а муж «тянул свою лямку». Он не стал хуже, не сделался ленивым или безответственным, просто его жизнь оставалась обычной, а её становилась всё более интересной. Ей казалось, что человек, способный на большее, не должен соглашаться на обычную жизнь, и постепенно это стало для неё не просто различием характеров, а мерой самого человека. Она всё чаще смотрела на мужа и думала, что он мог бы добиться большего, но почему-то не добился.

Однажды вечером он пришёл домой и, сняв куртку, сказал:

- Представляешь, сегодня мальчишку одного нашли. Потерялся.

Людмила стояла у стола, складывая маленькие Маринкины вещи.

- И что?

- Ничего. Нашли мать. Он у неё уже второй час плакал.

- Ты каждый день приносишь домой чужие истории.

Он удивлённо спросил:

- А какие тебе нужны?

Через несколько месяцев они разошлись. Людмила объясняла знакомым, что просто поняла: дальше им не по пути. Никто не сделал ничего страшного, никто никого не предал. Просто однажды ей стало казаться, что рядом с ней должен быть человек другого масштаба. Ею интересовались другие мужчины. Но не получилось.

Она почти не вспоминала эту мысль, но сама привычка сравнивать осталась. И когда Марина выросла, Людмила иногда смотрела на дочь и с тревогой замечала в ней что-то слишком знакомое: ту же радость от чужого взгляда, ту же уверенность в собственной привлекательности, ту же лёгкость, с которой человек может однажды решить, что раз он добился большего, то имеет право требовать от других большего.

Наверное, поэтому в тот вечер, она и сказала ей:

- Красуля ты у меня, Маришка. Только смотри, чтобы вся твоя жизнь на этом не держалась.

После этого разговора Марина всё ещё любила приходить к матери, но постепенно заметила странную вещь: стоило ей рассказать о своей жизни чуть больше, чем несколько бытовых подробностей, как разговор почти незаметно превращался в совет. Людмила Львовна могла начать с вопроса о работе, потом спросить, зачем Марина так много времени проводит перед зеркалом, потом напомнить, что красота проходит, а человек остаётся, и в конце обязательно находилось что-нибудь ещё, что Марина, по мнению матери, делала не совсем правильно.

Марина сначала спорила, потом научилась отвечать коротко, а затем просто перестала рассказывать. Зачем говорить, если заранее знаешь, чем всё закончится? Мать спрашивает, значит, сейчас будет нотация. Поэтому Марина всё чаще говорила: «Всё нормально», «На работе всё хорошо», «Ничего особенного», а потом смотрела на часы и придумывала повод уйти. Ей казалось, что она таким образом защищает свою самостоятельность.

Прошло пять лет, а подтверждения ей требовались почти постоянно. Сейчас надо было выговорится, чтобы полегчало. С кем поговорить? Во, с Аришкой, она в курсе. Набрала номер.

- Алло, - ответила Аришка.

- Всё, развелась.

- Ну?

- Всё получилось.

- Квартира?

- Моя, и дача и машина тоже.

Аришка натужно засмеялась.

- Марин, ну ты даёшь.

- А что мне было оставлять ему?

- Не знаю. Я не смогла бы так. Совестно.

- Очень смешно.

Они обе засмеялись. Марина быстро попрощалась, что-то Аришка не то говорит. Снова взяла телефон, открыла переписку со старой подругой, с которой давно не виделась, и написала: «Ты сегодня вечером свободна?»

Ответ пришёл как обычно тут же: «Конечно. Что случилось?» Марина глядела на эти слова и улыбнулась. Ей хотелось ещё с кем-то поговорить, рассказать всё: о суде; о том, как Сергей сидел перед судьёй и соглашался со всем; о том, что теперь она полностью свободна. Но она не стала это писать, лишь: «Ничего. Давай встретимся?» Сразу пришло: «Через час?» «Давай, где обычно».

Глава 3. Не полегчало.

Катя опоздала на двадцать минут и влетела в кафе так, словно за ней кто-то гнался, хотя, увидев Марину за столиком у окна, остановилась, поправила волосы и только после этого спокойно подошла к столу.

- Маринка! Господи, сколько лет, сколько зи-и-им! Ты вообще не изменилась! Ну почти. Подожди, дай я тебя рассмотрю. Волосы другие, да? Или мне кажется?

- Немного короче.

- Вот! Я знала. А я тебе говорила, что тебе нельзя длинные, помнишь? Они тебя утяжеляют. Хотя сейчас вообще всё можно, сейчас такие стрижки делают, ты бы видела? Я вчера была у своей, это просто ужас, я ей говорю: «Лен, ты мне что, опять каскад собралась делать?» Она смеётся, а я ей: «Мне не смешно, я уже один раз так ходила, меня тогда и собственная мать не узнавала».

Марина прищурила глаза.

- Я тоже рада тебя видеть.

- Да, конечно! Я ужасно рада. Ты представляешь, сколько у меня всего произошло? Я тебе сейчас расскажу, только что-нибудь закажем, а то я с утра вообще ничего не ела.

Она подняла руку, подозвала официанта, быстро заказала кофе и что-то ещё, даже не посмотрев в меню.

- Ты что будешь?

- Мне кофе.

- Какой?

- Обычный.

- Здесь обычного нет, я знаю это место. Латте точно есть.

- Давай.

- И мне ещё воду без газа.

Официант ушёл, Катя сняла сумку с плеча, поставила её на соседний стул и сразу продолжила:

- В общем, я наконец-то ушла из той маленькой конторки.

- Из той, где ты работала?

- Ну да! А ты что, думаешь, я там сижу ещё? Нет, всё, я больше не могу. Представляешь, эта идиотка Светка, которая у нас бухгалтерией заведует, решила, что я должна помочь отчёт переделывать. Я ей говорю: «Света, ты вообще нормальная?», а она мне: «Ну ты же очень быстро всё делаешь». Ну конечно быстро! Я же, по-твоему, для этого на работу прихожу. Я ей всё высказала, собрала вещи и ушла.

- И куда теперь?

- А вот это самое интересное! Мне предложили место в одной большой компании, вообще другое дело, понимаешь? Там люди нормальные, зарплата выше, и начальник... правда, немного странный, но я уже разобралась, как с ним разговаривать. Ты знаешь, что он любит?

Марина покачала головой.

- Он любит, когда ему говорят, какой он гениальный.

Катя рассмеялась.

- Поэтому я ему и говорю...

Принесли кофе, Марина сделала глоток и сказала:

- Я, собственно, хотела тебе рассказать...

- Подожди, я ещё не всё! У меня же теперь вообще такая жизнь началась, ты не представляешь. Я уже ремонт почти доделала, наконец-то заказала кухню, правда, эти идиоты мне сначала не тот цвет привезли, я чуть не умерла. Я им говорю: «Вы что, издеваетесь?» А они стоят и улыбаются. Ну я им устроила, конечно. В итоге всё переделали.

Марина смотрела на неё и ждала паузы, паузы не было.

- И ещё я познакомилась с одним человеком, - продолжала Катя, наклоняясь к ней через стол. - Вот это вообще песня. Представляешь, он...

Она на секунду замолчала, будто собираясь с мыслями, и тут же заулыбалась.

- Он артист.

- Артист?

- Театра! Настоящий. Не какой-нибудь там ведущий корпоративов. Очень интересный мужчина. Правда, совершенно без денег.

- Как его зовут?

- Ну...

Катя задумалась.

- Олег.

Марина нахмурилась.

- Олег?

- Да.

- А разве Олег...

- Господи, Марин, какой Олег?

- Ты сама сказала.

Катя расхохоталась.

- Боже, я тебе про Олега вообще давно рассказывала! После Олега был Игорь, потом Леонид. Сейчас Петя.

- Петя или Олег?

- Да! Я же говорю - артист театра. Ты меня совсем не слушаешь.

Марина усмехнулась.

- Это ты меня не слушаешь.

- Я? Да я тебя прекрасно слушаю!

Катя сказала это совершенно искренне.

- Ну давай, рассказывай.

- Я развелась.

Катя замерла на секунду.

- С Сергеем?

- Да.

- А-а.

И почти сразу спросила:

- А квартиру-то ты оставила себе?

- Конечно.

- Ну и правильно.

Катя сделала ещё глоток кофе.

- Машину?

- Тоже.

- Вообще молодец. А дачу?

- И дачу.

- Вот! Я тебе всегда говорила, что ты слишком мягкая. Я бы вообще всё забрала.

Марина немного поджала губы. Катя уже смотрела на часы.

- Ой, всё, мне пора. Я же тебе говорила, у меня сегодня встреча. Меня Петя ждёт, кстати, - приставила ладонь ребром к краю рта - ещё домой надо забежать, ополоснуться и зубы почистить.

Она быстро убрала телефон в сумку, встала и поправила платье.

- Марин, давай на следующей неделе нормально поговорим, ладно? А то я сегодня вообще кошмарно тороплюсь. И ты мне тогда всё спокойно расскажешь.

- Хорошо.

- Только не пропадай опять на целую вечность!

Катя наклонилась, быстро поцеловала её в щёку и уже у двери обернулась:

- И, кстати, Петя - это не Олег. Это я просто уже сама запуталась. Олег был ужасный, Игорь скучный, Леонид вообще псих, а Петя другое дело.

- Я поняла.

- Всё, я побежала!

Дверь за ней закрылась. Марина осталась сидеть за столиком, медленно размешивая ложечкой уже остывший кофе. Не полегчало. Марина заказала бокал дорогого вина, оказалось кислятина. Не полегчало опять.

Глава 4. Вот именно.

Официант на соседнем столе собирал чашки, за окном люди спешили по своим делам, и кафе постепенно пустело. Марина не торопилась уходить. Сейчас ей лучше было сидеть среди чужих разговоров и негромкого звона посуды. Тут никто ничего от неё не требовал, и лица окружающих не выражали того, что в последнее время всё чаще появлялось на лице Сергея.

Она достала телефон. Сообщение от Сергея пришло ещё во время разговора с Катей. Марина перечитала его несколько раз и убрала телефон. Она представила, как он откроет квартиру своим ключом, пройдёт в комнату, откроет шкаф и начнёт складывать одежду. Ей стало неприятно, не настолько, чтобы расстроиться, но достаточно, чтобы снова вспомнить его лицо.

Сергей всегда был рядом. Пять лет. Сначала ей нравилось, что он надёжный, спокойный, самостоятельный, что у него хорошая работа и он умеет принимать решения. Потом те же качества начали раздражать. Он слишком много работал. Слишком часто спорил. Иногда решал, не посоветовавшись с ней, а когда она резонно говорила ему, что он неправ, он почему-то не соглашался сразу. В последнее время это стало особенно утомительно. Марина вспомнила обычный для последнего времени разговор.

- Сергей, почему ты так сделал?

- Потому что что так будет лучше.

- Для кого?

- Для нас.

- А меня ты спросил?

- Марин!

- Вот именно.

Он тогда глядел на неё так, что она до сих пор не могла понять, что именно было в этом взгляде. Обида? Усталость? Недоумение? Она тогда решила, что он просто опять пытается вызвать у неё чувство вины, а теперь ей казалось, что он слишком многое принимал близко к сердцу.

Марина пожала плечами. Всё, она не собиралась разбирать старые разговоры.

Телефон снова завибрировал, ведь она сразу приучала мужчин не звонить, а писать сообщения, на этот раз сообщение было от Андрея: «Как ты? Может, увидимся завтра?» Она прочитала, но не стала отвечать. Но тут пришло другое, от Гены: «Ты пропала. Я начинаю скучать». Марина невольно улыбнулась. «Я никуда не пропадала. Просто была занята». Гена среагировал быстро, она прочитала, но отвечать пока тоже не стала.

Допила кофе, оплатила счёт и вышла из кафе, оно было расположено очень удобно, до метро было несколько минут ходьбы. На улице она сразу почувствовала знакомое лёгкое возбуждение, которое появлялось у неё всякий раз, когда она оказывалась среди людей. Ей нравилось знать, что она нравится, а теперь, когда Сергей ушёл, это знание становилось особенно важным. Потому что, если один мужчина перестал смотреть на неё так, как ей надо, это ещё ничего не означало, другие-то продолжали.

Глава 5. Я её не разлюбил.

Сергей вернулся уже после восьми. Мать не спала и, услышав ключ в замке, сразу спросила из комнаты:

- Ты?
- Я.
- Поешь?
- Потом.

Сергей снял обувь, поставил пакет с лекарствами на кухонный стол и прошёл к ней.

Она лежала, подложив под спину две подушки. За последние месяцы она заметно ослабла, хотя старалась не показывать этого сыну и каждый раз, когда он предлагал вызвать врача, отвечала, что ничего страшного не происходит.

- Как давление, температура?
- Нормальная.

Сергей коснулся её лба.

- Мам.
- Что?
- Нормальная?
- Нормальная.

Он всё равно достал градусник и подал ей, глядя с наигранным укором. Мать проворчала:

- Ты совсем как доктор.
- Потому что ты сама ничего не говоришь.
- А что говорить? Ты и так всё видишь.

Он поставил на тумбочку воду и лекарства. Телефон лежал рядом, на экране высветилось сообщение от Марины. Сергей отвечать не стал, ведь договорились уже.

- Марина? - спросила мать.
- Да.
- Что хочет?
- Чтобы я забрал оставшиеся вещи.

Мать немного подождала.

- Значит, всё?

Сергей сел около её кровати.

- Всё.

Мать переспросила.

- Ты уверен?

Он задумался. За окном ехали машины, во дворе смеялись молодые люди, из соседней квартиры доносился звук телевизора.

- Я не думал разводиться, - сказал Сергей. - Хотел, чтобы мы нормально жили.

Мать внимательно смотрела на него.

- Но в какой-то момент не выдержал.

Он произнёс это спокойно, без жалобы, и сам удивился, насколько точно эта фраза описывала последние месяцы.

- Может, вы ещё сможете... - осторожно спросила мать.

Сергей покачал головой.

- Не знаю. Я её не разлюбил.

Мать глядела на него, будто ждала продолжения, но Сергей ничего не сказал.

- Тогда почему ушёл?

Он долго молчал.

- Потому что я устал.

- От неё?

- От того, что рядом с ней я всё время чувствовал себя неправым.

Мать опустила глаза.

- Что бы ни сделал, всё было не так. Иногда я действительно ошибался. Иногда нет. Но разницы уже не было. Я заранее знал, что услышу: почему сделал именно так, почему не сделал иначе, почему не подумал раньше. Сначала я пытался объяснять. Потом начал соглашаться, лишь бы не спорить. А потом понял, что мне вообще не хочется ничего говорить.

Он замолчал.

- Мне стало тяжело возвращаться домой, - сказал Сергей. - Вот это, наверное, и было самым страшным.

- А любить, значит, от этого не перестал?

- Нет.

Он сам удивился тому, как просто это прозвучало. Мать не стала ничего говорить. Она только поправила на плечах халат и медленно поднялась.

- Я чай поставлю, - сказал Сергей.

- Не надо. Я сама.

- Mam, ты еле ходишь.

- А ты всё ещё тоже командуешь.

Сергей впервые за разговор улыбнулся.

- Это не команда.

- Знаю.

Она пошла в комнату, тяжело ступая. Сергей достал из холодильника кастрюлю.

- Тебе кашу разогреть?

- Не хочу.

- Тогда хотя бы суп.

- Не хочу суп.

- Mam!

- Хорошо, суп.

Сергей поставил на плиту суп и достал две тарелки.

Глава 6. Пушкин - восемь.

В понедельник Марина пришла в школу раньше обычного, и, поднявшись по лестнице на второй этаж, где ещё почти не было детей, прошла в кабинет русского языка и литературы, поставила сумку на стул и открыла окно, впуская свежий воздух вместе с далёким шумом машин и редкими голосами тех, кто уже торопился по своим делам.

На столе лежала стопка тетрадей, оставленная с пятницы, рядом журнал, несколько распечатанных методических рекомендаций и листок с перечнем стихотворений, которые ученики должны были выучить в оставшиеся дни до конца учебного года.

Марина сняла с листка скрепку, разгладила его ладонью и ещё раз проверила список: Пушкин - восемь, Лермонтов - шесть, Некрасов - четыре, Тютчев - два, Фет - одно. Шестой класс уже.

Она составляла такие списки уже несколько лет и считала, что родителям они нравятся: всё понятно, всё измеримо, никаких расплывчатых требований вроде «почувствовать поэзию» или «научиться понимать художественный текст». У каждого ребёнка есть норма стихов, которые надо выучить и сдать учителю, срок и результат, а значит, есть и возможность поставить оценку, составить таблицу, показать администрации, что работа ведётся.

Марина взяла ручку и вписала рядом с фамилиями нескольких учеников даты. В кабинет заглянула другая учительница русского языка и литературы.

- Марина Ивановна, вы уже пришли?

- Да.
 - Я думала, вы сегодня позже.
 - Нужно заполнить ведомость.
- Учительница бросила взгляд на листок.
- А вы опять своим столько стихов задали?
- Марина подняла глаза.
- А сколько, по-вашему, они должны знать?
 - Не знаю... Просто мои постарше, одиннадцатый класс, а от одного Есенина уже воют.
 - Пусть учат.
 - Но они же от этого не станут любить его.
 - Поэтому и должны знать.

Молодая женщина улыбнулась, будто не поняла, шутка это или нет, и ушла. Марина снова склонилась над списком.

Она действительно не видела здесь проблемы. В конце концов, дети приходят в школу не для того, чтобы им было интересно каждую минуту. Если позволить каждому учить только то, что ему нравится, от литературы скоро останутся любимые цитаты из интернета и несколько стихотворений, которые родители когда-то читали им дома. Порядок был необходим, правила тоже, и результат должен быть виден.

Однажды Марине пришлось заменять эту учительницу в одном из её классов. Урок был обычным, но уже через несколько минут она заметила, что мальчишки слушают как-то странно: кто-то откровенно улыбался, кто-то вытягивал шею из-за парты, а вопросы, которые они задавали, были совсем не похожи на те формальные вопросы в её более младших классах, которыми ученики обычно пытаются показать, что выучили материал.

- Мариванна, у меня вскочил... вопрос, - поднял руку один из них, крупный, но ещё совсем мальчишка, с едва пробивающимися над верхней губой усиками. - А почему у Блока написано: «Электрический фонарик на оглобелях горит»? Где там, на конной тяге, электричество-то было?

Класс засмеялся, Марина подвинула к себе журнал и приняла игру.

- Вор Обьёв, меня вообще-то Марина Ивановна зовут.
- А я знаю.
- Тогда почему «Мариванна»?
- Так короче.

Она чуть улыбнулась.

- А электричество могло быть от динамо-машины.
- От какой ещё динамо-машины? - не отставал Воробьёв.
- От такой, которая вырабатывает электричество.
- А, ну тогда понятно.

Но Воробьёв явно не собирался останавливаться.

- А ещё вопрос можно?
- Можно.

- А почему в литературных кружках того времени проводились литературные битвы, соревнования всякие, а соревнований по любви не проводилось?

Класс загудел, несколько мальчишек засмеялись, а Марина, сделав вид, что строго смотрит на Воробьёва, ответила:

- Потому что в любви соревнования опасны: кто-то может победить, кто-то признать его победу, а потом всю жизнь жалеть, что выиграл не тот.

На этот раз засмеялись уже громче. Воробьёв подумал, что смеются над ним, опустил голову почти на грудь и уставился на неё исподлобья. Марина, вспомнив о своём немного поджала губы и, возвращаясь к уроку, вдруг поймала себя на том, что ей нравится их внимание -

непосредственное, ещё немного неуклюжее, мальчишеское, с этими смешными усиками, вспыхивающими от смущения щеками и попытками казаться взрослее, чем они были на самом деле. Ей нравилось чувствовать себя женщиной, которую замечают, и в этом не было для неё ничего предосудительного: она просто видела, что нравится людям, и получала от этого удовольствие.

А в своей параллели уроки проходили, как всегда. Марина дожидалась тишины и открывала журнал.

- Сегодня сдаём стихотворения.

С задней парты раздался вздох.

- Марина Ивановна, можно на следующем уроке?

- Нет.

- Ну почему-у?

- Потому что это задание было на сегодня.

Вызванный ученик, поднялся, вышел к доске и начал читать. Первые строки он произнёс уверенно, затем сбился, вернулся к началу, снова остановился. Марина слушала, отмечая ошибки, когда он закончил, она сказала:

- Ещё раз.

- Я же рассказал.

- Ты пропустил две строки.

- Я их знаю!

- Если знаешь, расскажешь.

Мальчик выглядел обиженным и начал снова.

Марина открыла журнал. Она не думала, что стихотворение, которое он рассказывал, было написано человеком, способным однажды заставить этого мальчика полюбить поэзию, если бы ему дали прочитать его не для оценки, не для отчётности и не потому, что в списке напротив фамилии стоит нужная цифра. Для Марины литература давно стала системой, поэты и писатели стояли в ней на своих местах, ученики - на своих, а учитель должен был обеспечить правильное движение одного к другому.

После второго урока к ней заглянула завуч.

- Марина Ивановна, по вашей параллели вроде всё хорошо, я видела отчётность за месяц - у вас опять сто процентов выполнения.

- А что значит «опять»?

- То и значит. У вас всё всегда аккуратно.

Марина искренне просияла, ей приятно было это услышать.

- Дети успевают?

- По программе - да.

- Я не про программу. Они успевают за вами?

Марина на секунду задумалась.

- Если стараются, успевают.

Завуч ушла. Марина повернулась к тетрадям, разложенным на столе в ровную стопку, заметила, что одна лежит криво. Она машинально поправила её, затем взглянула на часы, взяла телефон, ничего нового. Марина положила его обратно.

В школе она чувствовала себя уверенно: здесь всё можно было привести в порядок, распределить, проверить и исправить, если результат не соответствовал ожиданиям. Даже дети, спорившие, забывавшие стихи и правила и пытавшиеся выпросить ещё один день на подготовку, в конце концов принимали установленные требования.

Сергей оказался гораздо сложнее, не хотел жить по правилам, которые она считала очевидными. И чем больше Марина об этом думала, тем меньше понимала, что он нашёл в её требованиях такого уж невыносимого.

Глава 7. Когда всё было хорошо.

Мать уже спала, и Сергей, стараясь не шуметь, прикрыл дверь в её комнату, вернулся на кухню и включил маленький радиоприёмник, стоявший на холодильнике. Как раз шла вечерняя политическая передача: ведущий говорил об обострении отношений между Ираном и США, о санкциях, переговорах и очередных заявлениях политиков, и Сергей некоторое время слушал, рассеянно помешивая давно остывший чай. В этих далёких спорах, где люди, никогда не встречавшиеся друг с другом, решали судьбы миллионов, было что-то почти нелепое; однако ведущий говорил серьёзно, эксперты перебивали друг друга, и спор продолжался, пока Сергей не перестал вслушиваться в слова. Он поставил чашку на стол и вспомнил их самое первое лето.

Шесть лет назад он увидел Маринку на дне рождения знакомого. Она пришла позже всех, немного опоздав, и, пока остальные искали общие темы для разговора, спокойно сняла лёгкий плащ, передала его хозяйке, открывавшей дверь, и прошла в комнату так, будто никому ничего не должна была объяснять. На ней было простое платье, волосы собраны на затылке, в руках маленькая сумочка, и Сергей, сам не понимая почему, заметил сначала именно её походку. Она не старалась привлечь внимание, по крайней мере, ему тогда так показалось.

Позже они разговорились. Марина работала в школе, рассказывала о своих учениках, о том, как один мальчик умудрился написать сочинение о Пушкине, не упомянув ни одного произведения Пушкина, и смеялась так заразительно, что Сергей тоже смеялся, хотя история сама по себе была не особенно смешной.

Ему нравилось, что она не пыталась казаться умнее, чем была, нравилось, что спорила. Когда разговор зашёл о его воспоминаниях, Сергей сказал, что считал некоторых своих учителей слишком мягкими.

- А я считаю, что слишком мягких людей вообще не бывает, - ответила Марина.

- Бывают.

- Значит, они просто не умеют быть твёрдыми.

- А вы умеете?

Она смотрела на него, прищутив один глаз, поверх бокала, который держала в руках.

- Я вообще многое умею.

Он засмеялся.

- Самоуверенно.

- Зато честно.

Тогда ему это понравилось и через несколько дней он позвонил ей. Потом они встретились ещё раз, потом ещё, и довольно скоро Сергей обнаружил, что начинает ждать её звонков.

Марина была самостоятельной, умела решать вопросы, не боялась начальства, могла сама разобраться с документами, сама договориться, сама найти нужного человека, если что-то требовалось. Сергей, привыкший отвечать за работу и принимать решения, не чувствовал рядом с ней необходимости постоянно быть сильнее, и это ему нравилось.

Они много гуляли, иногда он провожал её домой поздно, покупали кофе в круглосуточном киоске, сидели на скамейке и разговаривали о совершенно разных вещах. Марина рассказывала о школе, о матери, о своих планах. Однажды она сказала:

- Я не хочу жить скучно.

- А что значит «скучно»?

- Просыпаться, работать, ужинать, смотреть телевизор, спать. Потом всё сначала.

- А что ты хочешь?

Она задумалась.

- Хочу, чтобы всё было по-настоящему.

Он согласился.

- Это очень «конкретный» план.

- Другого у меня пока нет.

Сергей помнил этот разговор почти дословно, ведь ему казалось, что они хотят одного и того же.

Первое время Марина редко обижалась, но, если ей что-то не нравилось, она говорила прямо. Сергей иногда спорил, иногда уступал, иногда они смеялись над тем, что оба слишком упрямые, и через десять минут уже обсуждали что-нибудь совсем другое.

Телефон тихо мигнул, Сергей поднял голову, но экран погас. Он налил себе ещё чаю, но пить не стал. Ему вдруг пришла в голову странная мысль: если бы кто-нибудь тогда сказал ему, что через пять лет он будет сидеть ночью на кухне у больной матери, а женщина, которую он когда-то не хотел отпускать от себя ни на минуту, станет для него человеком, от которого он сильно хотел убежать, хоть и на время, он бы просто не поверил.

Но тогда всё было хорошо, и он слишком долго не замечал, как постепенно менялось это «хорошо».

Глава 8. Сам должен понимать.

Он сделал ей предложение в этом ощущении «хорошо». Первый год совместной жизни Сергей считал, что Марина очень чувствительная. У неё была особенность, если ей что-нибудь не нравилось, она редко говорила об этом сразу: могла промолчать, улыбнуться, продолжить чем-то заниматься, а спустя несколько дней, когда Сергей уже успевал забыть о случившемся, неожиданно напомнить ему о какой-нибудь мелочи, которая для неё, оказывается, всё это время оставалась важной.

Однажды Сергей купил ей шарф. Он увидел его в магазине, представил Марину в этом цвете и, вернувшись домой, протянул ей свёрток.

- Тебе.

Марина развернула подарок.

- Красивый.

- Нравится?

- Конечно.

Он поцеловал её и довольный занялся своими делами. Через несколько дней, уже в постели, Марина вдруг сказала:

- Ты даже не спросил, какой я хочу.

Сергей повернулся к ней.

- Какой шарф?

- Да, шарф.

- Но ты сказала, что тебе он понравился.

- А что я должна была сказать?

- Что не нравится, если не понравился.

- Зачем? Чтобы ты почувствовал себя дураком?

Он немного расстроился.

- Я хотел сделать тебе приятное.

- Я знаю.

- Тогда что не так?

- Ничего.

- Марин, если тебя что-то задело, говори пожалуйста сразу.

Она отвернулась.

- Сам должен понимать.

Таких случаев становилось всё больше. Один раз Сергей несколько дней не замечал её новой причёски.

- Ты вообще на меня смотришь? - спросила она.

- Конечно.
- И ничего не заметил?
- Он растерялся.
- Что?

Марина поджала губы.

- Ничего.

Через неделю, когда они шли по улице с Мариной, он встретил одноклассницу, которую давно не видел, остановился поговорить. Разговор занял несколько минут. Уже дома Марина сказала:

- Ты мог бы не бросать меня одну посреди улицы.
- Я же тебя не бросал.
- Ты разговаривал с ней так, будто меня рядом вообще нет.
- Она спросила про работу.
- Из вежливости.

Он не понял, что именно опять сделал не так, а однажды, вернувшись домой чуть раньше обычного, Сергей услышал, как Марина говорит по телефону:

- Я уже не знаю, как ему объяснять. Он совершенно не понимает простых вещей.
- Он остановился в коридоре. Через минуту Марина закончила разговор и вышла.
- Ты давно пришёл?
- Только что.

Он ничего не спросил. За ужином она рассказывала о работе, даже смеялась, спрашивала, как прошёл его день, а Сергей отвечал ей, как обычно, стараясь не показывать, что слышал разговор, который показался ему странным. Ссора произошла совсем из-за другого. Сергей собирался в командировку и вечером сказал:

- В среду уеду, в понедельник вернусь.

Марина складывала бельё, хмыкнула:

- Хорошо.
- Мариш, что-нибудь не так?
- Нет.
- Тогда почему ты так говоришь?

Она пожала плечами.

- Езжай.

Сергей уже знал этот тон.

- Марин, ну что случилось?
- Ничего не случилось.

Она резко закрыла дверцу шкафа.

- А что тут говорить? Ты всё равно уже решил.
- Это же работа.
- Вот именно. Работа, работа, работа, даже по выходным.
- А что я должен был сделать?
- Хотя бы спросить меня.
- Ты хочешь, чтобы я отказался от командировки?
- Я хочу, чтобы ты хотя бы иногда думал не только о себе.

Он замолчал.

- Я думал, тебе это не сильно важно.

Марина повернулась к нему:

- «Думал» он!

Она говорила всё быстрее, вспоминая то, что Сергей давно перестал считать важным: и ту причёску, которую он не заметил, и несколько минут разговора со знакомой, и вечера, когда он задерживался на работе, и случаи, когда принимал решение, не посоветовавшись с ней.

- Почему ты тогда-то не сказала? - спросил он.

- Потому что не хотела устраивать сцен.

- А сейчас устраиваешь.

- Сам довёл!

И ушла на кухню. Утром Марина уже спокойно поставила перед ним завтрак и спросила:

- Во сколько ты сегодня будешь?

- Думаю, как обычно.

- Хорошо.

Он взял кофе и вышел, допивая его на ходу. Он всё чаще ловил себя на том, что перед тем, как что-нибудь сказать или сделать, мысленно останавливался: как Марина это воспримет?

Теперь, после развода, Сергей сначала просто старался не думать о том, что будет дальше. У него была работа, и работы оказалось неожиданно много: в холдинге как раз начинался новый проект по разработке импортозамещающей техники, несколько групп конструкторов и технологов должны были работать одновременно, сроки уже были обозначены, а от него требовалось не столько самому принимать все решения, сколько сделать так, чтобы решения принимались вовремя и не терялись между подразделениями.

Он втянулся в это почти незаметно для себя. Задерживался допоздна, готовил и проводил совещания, разбирал чужие ошибки, находил решения с теми, кто не успевал, иногда сам приезжал на производство, если вопрос нельзя было решить по телефону. Раньше такая нагрузка казалась ему частью обычной жизни, теперь же в ней было что-то спасительное: здесь от него нужен был результат, а не объяснения того, почему он поступил именно так.

Проект пошёл хорошо. Через несколько месяцев Сергей получил новую должность и прибавку к зарплате, о которой раньше даже не особенно задумывался. Начальник, вручая ему приказ, сказал:

- Заслужил.

Сергей только кивнул.

Часть вторая

Глава 1. Пока всё работает.

Алексей пришёл домой раньше обычного, и Алина, услышав, как повернулся ключ в замке, выглянула из кухни: ужин был уже почти готов, в духовке доходила запеканка, а София, сидевшая в зале за обеденным столом с раскрытым учебником, в третий раз переписывала задачу, подперев щёку ладонью и время от времени перечёркивая написанное так энергично, будто ошибка была личным оскорблением.

- Папа!

Девочка тут же отложила ручку, и Алексей, войдя в комнату, поднял руку в своём привычном шутовском приветствии.

- Ну что, математик?

- Ничего не получается.

- Показывай.

Он сел рядом, подвинул к себе тетрадь и некоторое время молча изучал условие, а Алина, доставая из духовки форму, через открытую дверь кухни краем глаза наблюдала за ними.

- Только не решай за неё, - сказала она. - Пусть сама подумает.

- Ок.

- Ты сейчас объяснишь, она поймёт и запишет готовое решение.

Алексей улыбнулся.

- И что мне тогда делать?
- Задавать вопросы.
- Хорошо. Вопрос первый: что тебе известно?

София закатила глаза.

- Папа, вот ты прям как мама.
- Вот видишь, - сказала Алина. - Готовенькое хочет.

Через десять минут задача была решена, причём София действительно разобралась сама, после чего закрыла тетрадь с таким видом, словно только что закончила сложный научный труд.

- Всё.
- Тогда ужинать, - позвала Алина.

Они пошли на кухню, София сразу начала рассказывать отцу сегодняшнюю школьную историю, которую до этого уже рассказала матери, перескакивая с одного на другое, Алексей смеялся и время от времени пытался вставить вопрос, а Алина слушала их, занимаясь салатом и чувствуя то простое, почти физическое удовольствие, которое иногда охватывало её в такие вечера: вот дочь сидит рядом, вот муж напротив, и в этом привычном порядке было столько родного, что ей даже не приходило в голову назвать это счастьем.

- Как день, Алин? - спросил Алексей.
- Как обычно.
- Семинар скоро?
- Завтра.
- Ты когда-нибудь перестанешь столько тащить на себе?
- Когда-нибудь.
- Снова-здорово.

Алина посмотрела искоса.

- Значит, когда-нибудь обязательно наступит.

Он протянул руку через стол и накрыл её пальцы своей большой ладонью.

- Устала, ведь!
- Немного.
- Давай, после ужина я всё уберу.
- Не надо.
- Почему?
- Ты вчера убирал.
- А ты сегодня готовила.

Она хотела возразить, но передумала.

- Хорошо.

София, наблюдавшая за ними поверх стакана с компотом, вдруг спросила:

- А мы в выходные на дачу поедём?
- Если папа закончит работу, - ответила Алина.
- Причём тут папина работа? Выходной же.

Алексей рассмеялся.

- Вот видишь, дочь уже понимает, кто в доме главный.
- Я ничего такого не говорила, - возразила Алина, хотя сама улыбалась.

София доела и убежала со своим планшетом, Алексей стал рассказывать о проекте, который собирался закончить к выходным, а Алина, собирая тарелки, слушала его вполуха, уже прикидывая, что взять на дачу и успеют ли они заехать к её матери.

Когда София уже ушла спать, Алина увидела на полке карандаши Алексея, один из которых лежал не на месте, и машинально поставила его в стакан. Алексей заметил это.

- У тебя на всё есть инструкция.

- Зато всё работает.
- Пока выполняются инструкции.
- Она подтолкнула его плечом.
- Не жалуйся.

Он засмеялся и обнял её, Алина сразу прижалась к нему, совершенно не задумываясь ни о чём. Она была счастлива.

Через несколько дней София собиралась на день рождения к однокласснице и никак не могла решить, что надеть: розовое платье ей уже надоело, джинсы казались слишком простыми, а новое белое платье мама велела пока не трогать, потому что оно было куплено «на выход».

- Одень джинсы, - сказал Алексей, завязывая шнурки.
- Но я хочу платье.
- Алина, стоявшая у шкафа, обернулась:
- Белое нельзя, ты его ещё ни разу не надевала.
- А почему?
- Потому что испачкаешь.
- А если не испачкаю?
- София, давай без экспериментов.

Девочка надулась и опустила глаза.

- Пап?
- Я бы выбрал платье.
- Вот!

Алина достала джинсы.

- Переодевайся. В них поедешь.
- Но папа разрешил!
- Папа не подумал.

Алексей поднял глаза.

- Я подумал.
- Лёша, она будет бегать во дворе, есть торт, играть с детьми. Ты представляешь, что будет с этим платьем?

- Ну испачкается - постираем.
- А если пятно не отстирается?
- Купим другое.

Алина взглянула на него так, будто он предложил выбросить деньги.

- Ты всегда так решаешь проблемы.
- Как?
- Слишком просто.
- А как надо?
- Иногда надо заранее думать.

София, уже взявшая платье, тихо сказала:

- Можно я сама решу.

Алина повернулась к ней:

- Ты пока не умеешь решать такие вещи.

Девочка положила платье обратно.

- Тогда зачем спрашивать?

Она ушла в комнату. Алексей остался стоять у двери.

- Зачем ты так с ней?
- Как?
- Она просто платье хотела.

- Я хотела, чтобы она не испортила хорошую вещь.
- Она ведь могла бы надеть его и не испортить.
- Могла бы. Но если испортит получится, что я не подумала.
- Да брось ты, Алин.
- Ты сейчас именно это и говоришь.

Он замолчал. Через несколько минут София вышла в джинсах, взяла куртку и рюкзак.

- Я готова.

Алина поправила ей волосы.

- Так-то лучше.

София ничего не ответила.

В понедельник вечером Алексей пришёл домой чуть позже обычного, но заранее предупредил.

- Я задержусь минут на сорок.
- Почему?
- Начальник попросил остаться. Нужно закончить расчёты.
- А разве это нельзя сделать завтра?
- Так они и нужны к утреннему совещанию.
- Тогда ладно.

Он вернулся с работы, действительно опоздав минут на сорок, положил на кухне папку и с некоторым оживлением сказал:

- Ха! Всё-таки закончили. Начальник принял мой новый вариант.
 - А почему ты сразу не предложил этот вариант?
- Алексей перестал улыбаться.
- В смысле?
 - Ты ведь говорил, что у тебя была другая идея.
 - Была.
 - Значит, зря потратил время.
 - Почему «зря»?
 - Потому что в итоге всё равно сделали по-другому.
 - Не совсем. Я тот вариант доработал немного.
 - Но если бы ты сразу послушал начальника...
 - Алин.
 - Что?
 - Я просто рассказать хотел.

Она смягчила голос:

- Я же не ругаю тебя.
- Хорошо.

Он открыл папку и с жаром начал объяснять, что они там изменили, но вскоре заметил, что Алина уже думает о чём-то другом.

- Ты меня вообще слушаешь?
- Слушаю.
- И о чём я сейчас говорил?

Она пересказала последние две фразы почти дословно. Алексей надул щёки.

- Гений.

Закрыв папку.

- Н-н-ну, - подняла носик кверху Алина.

Он часто делился с ней тем, что происходило на работе, замечал, что это ей нравится.

В комнате София сидела на полу и рисовала.

- Пап, смотри!

Она протянула ему лист.

- Это наш дом.

- А это кто?

- Я. А это мама.

- А я?

София бросила взгляд на рисунок.

- Тебя пока нет.

Алексей рассмеялся.

- Почему?

- С работы не пришёл.

Алина, проходившая мимо, услышала и остановилась.

- Ну и ну.

София подняла голову:

- А что?

- Ничего.

Алексей посмотрел на дочь, потом на Алину.

- Хороший рисунок. Мне нравится.

- Правда?

- Правда.

София прижала лист к груди.

- Тогда пора тебя пририсовать.

Алина улыбнулась:

- Только аккуратно.

- Mam, я умею.

- Ну это само собой.

И, уже выходя из комнаты, Алина сказала:

- Алексей, завтра не забудь позвонить начальнику насчёт того, что ты мне рассказал.

- Зачем? Ну можно, конечно.

- Ты вчера тоже сказал.

Он ответил ей вслед.

- Хорошо, позвоню.

Глава 2. Начальник.

В воскресенье утром Алексей проснулся от шума в комнате Софии. Судя по грохоту, дочь уже успела встать и теперь что-то искала среди своих вещей. Он вспомнил, что обещал ей блины, и пошёл на кухню. Готовить он умел только три вещи: яичницу, блины и кофе, но София считала, что папины блины лучше всех на свете, потому что он разрешал ей самой переворачивать их, а иногда первый блин специально делал смешным - с ушами, хвостом или дыркой посередине. В этот раз блин с дыркой получился слишком тонким и обжарился неравномерно, поэтому Алексей отложил его на отдельную тарелку.

- Пап, ты опять его сжёг!

София появилась в дверях босиком, в большой футболке, с растрёпанными после сна волосами и таким выражением лица, будто обнаружила преступление.

- Не сжёг. Этот специальный.

- Специальный уголь?

Алексей рассмеялся.

- Иди буди маму, сейчас будут готовы хорошие блины.

- Зачем? Она вчера сказала, что хочет выпасться в выходной.

- Ладно, пусть спит.

София уже собиралась уйти, но остановилась.

- А вообще-то ты точно умеешь блины печь? Может, помочь?

- Точно.

- А мама говорит, что ты всё делаешь слишком медленно.

Он взглянул на дочь и рассмеялся ещё сильнее.

- Спасибо.

- А что?

- Давай уж лучше маслом смазывай блины, чтобы не слипались.

Через десять минут на кухне появилась Алина, ещё сонная, с нерасчёсанными волосами.

Она смотрела на стол, на муку, рассыпанную возле плиты, на стопку блинов, среди которых действительно несколько выглядели довольно странно, и почувствовала такую нежность к этим двоим, что ей захотелось обнять их обоих. Она так и сделала.

- Ну что, повара?

- Я главный, - объявил Алексей.

- Нет, я, - немедленно возразила София.

- А мама кто?

София подумала.

- Начальник.

Алина развеселилась, хотя слово это почему-то кольнуло.

- Ну так уж и начальник?!

Завтракали почти час, разговаривая одновременно, перебивая друг друга и смеясь над совершенно незначительными вещами, которые через день никто бы уже не вспомнил. Потом София вдруг заявила, что хочет поехать на велосипеде в парк.

- Прокатись, - сказал Алексей.

- Нет, - одновременно с ним ответила Алина.

София спросила у неё:

- Чего?

- Дождь вчера был, дорожки мокрые. Грохнешься.

- Они уже высохли.

- Не все.

- Да посмотрит она, - сказал Алексей.

Алина повернулась к нему:

- Ты вот соглашаешься, не подумав.

Он хотел возразить, но увидел лицо Софии, уже потемневшее от разочарования, и сказал:

- Хорошо. Тогда посмотрим вместе.

София просияла и убежала за велосипедом. Алина осталась на кухне.

- Ты мог бы меня поддержать.

- В чём?

- Хотя бы не спорить при ней.

- Я не спорил.

- Но сделал наоборот.

- Алина, я просто решение искал.

- И что она услышала? Что папа разрешил.

Вернулась София, уже в шлеме.

- Папа, я готова!

Алексей взял ключи.

- Идём.

Алина быстро накинула лёгкую куртку и пошла за ними. У подъезда София уже крутила педали, Алексей на старте придержал её за сиденье, а Алина, стоя рядом, всё-таки улыбнулась.

- Только далеко не уезжай!
- Мам!
- Что «мам»?
- Я уже большая!
- Я знаю.

София помчалась вперёд. Алексей сказал ей вслед:

- Для велосипеда точно большая.

Алина уловила в его голосе что-то такое, от чего на мгновение стало тревожно. Ей сейчас показалось, что дочь растёт слишком быстро и ещё немного, и привычный порядок начнёт рассыпаться, а удержать его будет уже невозможно. Она взяла Алексея под руку.

- Давай рядом.

Он прижал её руку к себе.

На следующий день Алексей пришёл домой с хорошим настроением и, едва сняв обувь, ещё из прихожей крикнул:

- Алина, угадай!

Она вышла из кухни, вытирая руки полотенцем.

- Что?
- Утвердили.
- Что именно?
- Проект. Мой проект.

Алина обняла его, поцеловала и искренне обрадовалась. Она любила видеть его довольным, любила это почти мальчишеское оживление в его лице.

- А начальник что сказал?
- Сказал, что хорошо получилось.
- Только это?
- Ну ещё сказал, что сроки удалось выдержать.
- А ты ему объяснил, из-за чего в прошлый раз не успели?

Алексей спросил с недоумением.

- Да он и так знает. Зачем напоминать?
- Чтобы он понимал.
- Да понимает он.
- Откуда ты знаешь?
- Потому что он на-чаль-ни-и-ик.

Алина рассмеялась.

- Лёш, ты слишком доверяешь людям.

Он продолжил рассказывать, что начальник предложил ему ещё одно дело.

- Это хорошо, - сказала Алина.
- Конечно.
- Только смотри, не бери на себя лишнего.
- Почему?

- Потому что ты опять будешь приходить поздно, уставать, а потом говорить, что ничего не успеваешь дома.

Алексей положил вилку.

- Я разве так говорил?
- Не говорил. Я просто знаю, чем это заканчивается.

Ей казалось естественным замечать такие вещи заранее, пока они ещё не успели стать проблемами.

- Лёш, я же не против твоей работы, - сказала она мягче. - Просто иногда ты принимаешь решения слишком быстро.

- Возможно.

- Ну вот.

Он перевёл взгляд на неё, потом улыбнулся.

- Значит, ты права.

- Конечно, права.

Она сказала это почти шутя, и оба засмеялись.

Позже, когда Алексей уже ушёл в комнату, Алина собирала со стола чашки и машинально проверяла телефон: сообщение из школы, расписание Софии, список покупок. В соседней комнате Алексей открыл папку с проектом, перечитал замечания начальника и вдруг обнаружил, что больше всего ему хочется рассказать об этом кому-нибудь, кто просто порадуетя вместе с ним.

- Ладно, - сказал он сам себе и закрыл папку.

Алина, услышав его голос, выглянула из кухни:

- Ты что?

- Ничего.

- Тогда иди отдыхай. Завтра рано вставать.

- Хорошо.

А утром, собираясь на работу, услышал из кухни:

- Алексей, ты папку с документами не забудь.

- Не забуду.

Он взял папку и вышел.

Глава 3. Не спорила.

К началу учебного года у Алины почти не оставалось свободного времени. Её начальница, Нина Павловна, поручила ей провести методический семинар для учителей русского языка и литературы, и Алина несколько дней просидела над материалами, переставляя пункты местами, убирая лишние слова, переделывая таблицы.

Ей хотелось, чтобы после семинара учитель мог не просто согласиться с ней, а открыть свои записи и уже на следующий день использовать предложенную систему в работе. В последнее время Алина всё чаще думала о том, что дети слишком рано остаются один на один с необходимостью принимать решения. От них требуют самостоятельности, когда они ещё не умеют организовывать собственную работу, а потом удивляются плохим результатам.

Особенно это становилось заметно при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ, где мало знать предмет: нужно правильно выполнить задание, оформить ответ, уложиться в критерии, ничего не забыть и не потерять баллы из-за какой-нибудь мелочи. На семинаре она говорила об этом спокойно, почти увлечённо:

- Мы часто требуем от ученика самостоятельности раньше, чем научили его действовать самостоятельно. Поэтому сначала должна появиться система: что сделать, в какой последовательности, как проверить себя и по каким критериям оценить результат.

На экране появилась схема: задание, действие ученика, контроль, исправление ошибки, повторная проверка. Алина чувствовала себя уверенно. Здесь всё было понятно. Если ученик ошибся, нужно определить, на каком этапе он ошибся; если не выполнил задание - выяснить почему; если результат получен - проверить его по установленным критериям. Ничего не должно оставаться на волю случая. После выступления было много вопросов, и Алина на каждый ответила подробно. Когда учителя начали расходиться, к ней подошла молодая женщина.

- Алина Степановна?

- Да?

- Марина Ивановна.

Она представилась и улыбнулась.

- Я хотела сказать, что мне очень понравился ваш семинар.

- Спасибо.

- Особенно то, как вы всё разложили по этапам. А то у нас любят говорить: «Давайте развивать самостоятельность». Хорошо, а как? Ребёнок должен сам понять, что делать?

Алина просияла.

- Именно. Самостоятельность тоже сначала нужно сформировать.

- И контролировать.

- Конечно.

Марина Ивановна взяла со стола один из листов.

- Можно вот это я себе перепишу? С экрана не успела. Если есть критерии, всегда понятно, что проверять.

Алина взглянула на неё внимательнее.

- Вы преподаёте в школе?

- Русский язык и литературу.

- Какие классы?

- Сейчас пятые-восьмые. Но уроки в выпускных тоже бывают.

Они ещё несколько минут говорили о проверках, требованиях, отчётности и о том, как трудно заставить детей соблюдать даже самые простые правила оформления. Марина слушала внимательно, соглашаясь почти с каждым замечанием Алины, и в разговоре с ней было что-то успокаивающее: не требовалось доказывать очевидное, спорить ради самого спора или возвращаться к уже сказанному. Когда они наконец разошлись, Алина, собирая бумаги в папку, поймала себя на мысли, что разговор ей понравился.

Вечером она рассказывала Алексею о семинаре, стоя у письменного стола и разбирая принесённые из методического центра, где она работала, бумаги.

- Представляешь, одна учительница подошла после семинара и сказала, что наконец-то поняла, зачем нужен контроль.

- Во ка-а-ак! - отозвался Алексей.

- Марина Ивановна. Очень приятная женщина. Умная. И, главное, не из тех, кто начинает спорить ради спора.

Он не особо реагировал. Алина продолжала, увлечённо пересказывая их разговор:

- Она тоже считает, что самостоятельность сначала надо сформировать. Я именно об этом и говорила.

- Логично.

- Во-от! Ты понимаешь.

- Иногда понимаю.

Она довольно улыбнулась и снова занялась бумагами. Алексей смотрел на неё и сейчас поймал себя на том, что ему неприятно от собственной реакции. Его задело даже не то, что жене понравилась Марина Ивановна, - ничего особенного в этом не было, - а то, с каким удовольствием Алина рассказывала о человеке, который её поддержал. Ему самому этого давно не хватало: не совета, не исправления, не объяснения, как надо было поступить, а простого: «Да, ты прав». Мысль была короткой, почти случайной, и он тут же постарался от неё отделаться.

Прошло несколько месяцев. Алексей по-прежнему работал, занимался Софией, помогал по дому, иногда шутил за ужином, но говорить о работе стал реже. Раньше он мог прийти домой и подробно рассказать о каком-нибудь проекте, пожаловаться на заказчика, пошутить над чужой ошибкой, вспомнить что-нибудь смешное из рабочего дня. Теперь иногда возвращался и почти сразу уходил к себе, ссылаясь на усталость или срочную работу.

Однажды вечером Алина, разбирая на кухне продукты, спросила:

- Как у тебя дела?

- Ничего.

- На работе как?

- Как всегда.

Она подняла на него глаза.

- Ты какой-то не такой.

- Какой?

- Молчишь всё время.

Алексей пожал плечами.

- Устал.

- Ну так скажи, что устал.

- Я и сказал.

Она хотела продолжить, но в этот момент из комнаты выбежала София:

- Mam, a можно мне завтра после школы к Жене?

- Нет.

- Почему?

- Потому что у тебя репетитор.

- Но он в пять!

- А до пяти что?

- Ничего.

- Тогда сделаешь уроки.

София тяжело вздохнула и ушла. Алексей бросил ей вслед:

- Может, пусть ходит?

Алина повернулась к нему:

- А потом кто будет до ночи сидеть с ней над математикой?

- Я.

- Ты в прошлый раз тоже сказал, что будешь.

Он замолчал. Алина снова отвернулась к плите.

- Я не хочу, чтобы она всё делала в последний момент.

- Хорошо.

Ужин прошёл молча. А, когда Алина легла спать, Алексей ещё долго не мог уснуть. Он лежал рядом с ней, глядя в темноту, и думал, что иногда ему хочется просто рассказать что-нибудь о работе, о том, что придумал, о случайной мысли, пришедшей в голову по дороге домой, не ожидая замечания или совета. Он пока не знал, кому именно ему хотелось бы это рассказывать. Но желание становилось всё сильнее.

Глава 4. Ключ.

Спектакль по программе понравился, жизненный, и Марина уже собиралась уходить, когда у выхода из театра заметила Алину Степановну.

- Алина Степановна! Вот так встреча!

Они обнялись, обменялись несколькими фразами о спектакле, и Алина, повернувшись к стоявшему рядом мужчине, сказала:

- Это мой муж, Алексей.

Марина бросила взгляд - всего секунду, но ей этого хватило. Хорош. Не красавец, не из тех, кто сразу старается понравиться, но спокойный, крепкий, с немного усталым лицом и доброй улыбкой.

- Алексей, это Марина Ивановна. Мы познакомились на семинаре.

- Очень приятно.

- Мне тоже.

Она улыбнулась ему чуть теплее, чем требовала обычная вежливость, и сразу заметила реакцию: Алексей ответил такой же улыбкой. Вот и всё. Марина уже давно не задавала себе

вопросов вроде «можно ли». Можно - если хочется. Женат? Ну и что. Она ведь ничего не обещала его жене. Алина ей нравилась, это правда, и именно поэтому можно было бы оставить всё как есть, если бы речь шла о случайном симпатичном мужчине. Но этот мужчина был ей интересен. Марина ещё раз взглянула на Алексея. Он стоял рядом с Алиной, слушал её и едва заметно напрягался всякий раз, когда она что-нибудь уточняла или поправляла. Перекинувшись с Мариной парой слов о спектакле, она сказала уже Алексею, видно продолжая начатый разговор:

- Мне актриса, которая играла принцессу, не понравилась, переигрывала.
- А мне понравилась, - неуверенно произнес Алексей. – По мне, так она хорошо сыграла.
- Хорошо? Она половину сцен просто переиграла. Особенно в конце.

Алексей подумал что-то своё, но спорить не стал. Марина переводила взгляд с одного на другого, однако успела заметить главное: Алексей высказал своё мнение - и почти сразу от него отказался. Ей даже стало любопытно. Значит, вот оно как. Она уже видела таких мужчин: если рядом женщина, которая точно знает, как всё должно быть, мужчина постепенно перестаёт доказывать своё. Проще согласиться. Особенно если дома его мнение почти всегда оказывается неважным. И Марина вдруг подумала, что с ним всё будет совсем несложно, ему даже не нужно много говорить. Она вспомнила Катю и её историю про своего начальника. «Он любит, когда ему говорят, какой он гениальный». Тогда Марина посмеялась. Алексей тоже голодный, не до еды, до простого человеческого одобрения.

Она снова почувствовала знакомое, почти азартное возбуждение, которое появлялось у неё в последнее время, когда мужчина начинал нравиться. Алгоритм был простым: пересечься без жены, поговорить, не критиковать, не спорить, замечать хорошее, хвалить там, где Алина привыкла поправлять. И никогда не торопиться.

- Рада была вас встретить, - сказала она Алине.
- Я тоже. Позвоните как-нибудь, пересечёмся.
- Обязательно.

Выйдя из фойе, Марина ещё раз оглянулась: Алексей сел в машину, Алина что-то говорила ему, показывая рукой, куда положить её плащ, а он слушал, кивнув несколько раз. Ничего. Время есть. Она достала телефон и, уже идя дальше, поймала себя на том, что ей хочется узнать о нём больше. И не в том дело, что он показался ей загадочным, наоборот. Она уже представляла, какой ключ к нему подобрать.

Глава 5. Вы были правы.

После встречи в театре Марина не стала особенно долго думать об Алексее, готового плана ей было выше крыши. Алексей запомнился ей, как до него запоминались Гена, Андрей, Сергей и ещё несколько мужчин, чьи имена теперь уже смешивались в памяти, оставляя после себя отдельные лица, интонации, удачные фразы. Так было проще: не надо было ждать, надеяться, мучиться вопросом, нравится ли она мужчине. Ей он нравился, она смотрела, как он реагирует, и дальше действовала по обстоятельствам. Алексей вроде отреагировал, этого пока было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.